

Wiech, Stanisław

Raport naczelnika Warszawskiego Okręgu Żandarmerii, gen. Płatonu Frederiksa z 1867 r. o stanie politycznym Królestwa Polskiego

Czasy Nowożytne 3, 151-164

1997

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez **Muzeum Historii Polski** w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Stanisław Wiech

(Kielce)

**Raport naczelnika Warszawskiego Okręgu Żandarmerii,
gen. Platona Frederiksa z 1867 r. o stanie politycznym Królestwa Polskiego**

Prezentowany niżej materiał źródłowy, dotyczący stanu politycznego Królestwa Polskiego za rok 1867, jest pierwszym dokumentem tego typu, jaki dla potrzeb władz zwierzchnich, tj. Szefa Żandarmów oraz naczelnika III Oddziału Własnej Jego Cesarskiej Mości Kancelarii (wówczas to oba te urzędy sprawował Piotr hr. Szuwałow), sporządził gen. Platon Frederiks, pełniący w latach 1867–1873 urząd naczelnika Warszawskiego Okręgu Żandarmerii.

Zreformowana na mocy ustawy z 21 XII/2 I 1866/1867 r. żandarmeria Królestwa Polskiego – podlegała do tej pory bezpośrednio pod względem wojskowym Sztabowi Korpusu, zaś pod względem politycznym od III Oddziału – pełniła funkcje policji politycznej, której znaczenie i rola wzrosły szczególnie po zniesieniu urzędów naczelników wojennych i wprowadzeniu urzędów cywilnych naczelników guberni. Zmiany te dokonano wraz z przeprowadzeniem reformy administracyjnej Królestwa Polskiego z 31 XII 1866 r. Funkcjonariusze żandarmerii, których etatowo w 1867 r. w Królestwie było 1238, obok kontroli powierzonych im rejonów (w Królestwie powołano 43 powiatowe i 10 gubernialnych zarządów żandarmerii), systematycznych objazdów powiatów i gubernii, śledzenia i kontrolowania społeczeństwa, zobowiązani byli do sporządzania rocznych sprawozdań o ważnych – z punktu widzenia społecznego i politycznego – wydarzeniach i nastrojach politycznych Polaków. Na podstawie powiatowych i gubernialnych „przeглядów politycznych” naczelnik Warszawskiego Okręgu sporządzał raport z Królestwa Polskiego, który wędrował do naczelnika III Oddziału. Sporządzanie „przeглядów” dokonywano z całkowitym pominięciem urzędów gubernialnych i urzędu namiestnika (od 1874 r. generał-gubernatora), od których żandarmeria była niezależna. Stan niezależności żandarmerii od miejscowych władz cywilnych i policyjnych, dając dużą samodzielność i swobodę działalności, trwał do 1896 r., kiedy to zlikwidowano Warszawski Okręg Żandarmerii, a kontrolę nad nią powierzono utworzonemu przy Generał Gubernatorze urzędowi Pomocnika Generał Gubernatora Warszawskiego, noszącego tytuł do spraw policyjnych.

Żandarmeria rosyjska, do której utrudniony był dostęp (oficer żandarmerii musiał legitymować się dziedzicznym szlachectwem, mieć ukończoną szkołę wojskową lub junkierską, nie mógł nim zostać katolik, Żyd i Polak, choćby przeszedł na prawosławie), swoją uwagę w

Królestwie Polskim skupiała głównie na inwigilacji i kontroli społeczeństwa polskiego. Jednym z wyników tej kontroli i obserwacji były „przeglądy polityczne”, rejestrujące wydarzenia i zjawiska, które zdaniem funkcjonariuszy żandarmerii były godne uwagi. Rysowano w nich nie tylko stan nastrojów społeczeństwa polskiego, jego stosunek do rządu i administracji rosyjskiej, ale także zagrożenia, jakie mogły się pojawić, oceniano zmiany polityczne i następstwa realizowanych w „Kraju Przywiślańskim” reform i zarządzeń państwowych. W raportach można dostrzec także ukrywane intencje samych autorów, którzy między wierszami starają się potwierdzić u władz zwierzchnich potrzebę i konieczność prowadzenia stałego nadzoru i kontroli politycznej społeczeństwa, a tym samym przydatności żandarmerii, będącej obok policji, straży ziemskiej, wojska, władz powiatowych i gubernialnych gwarantem opanowania panujących w społeczeństwie polskim „występnych” idei i spacyfikowania wrogich postaw.

„Przeglądy polityczne” – zarówno te, sporządzane na szczeblu powiatowym, gubernialnym, jak i centralne, opatrzone tą samą adnotacją – *tajne*, posiadały w miarę jednolity układ rzeczowy i problemowy. Otwierał je rys najważniejszych wydarzeń, jakie w minionym roku zaszły na podległym funkcjonariuszowi obszarze. Po części wstępnej przystępowano do charakterystyki poszczególnych grup i klas społecznych, rozpoczynając od szczytu drabiny społecznej, tj. „polskiej arystokracji”, przechodząc następnie do szlachty-ziemian (pomieszczeni-dworianie), duchowieństwa, klasy urzędniczej, oficjalistów, a kończąc na przedstawicielach mieszczaństwa, Żydach i chłopach.

Wartość poznawcza raportów rosyjskiej żandarmerii wynika głównie z tego, że społeczeństwo Królestwa Polskiego, w przeciwieństwie do obrazu przedstawianego w innych tego typu raportach, jest poddane bardziej wnikliwej analizie i obserwacji, choć wykrzywione stosownie do osoby i miejsca, z którego było postrzegane. „Przeglądy”, z których w latach 1867–1896 powstało blisko 1500, są niezwykle bogatym materiałem faktograficznym, w dużym stopniu poszerzającym nasz stan wiedzy na temat sytuacji społeczno-politycznej Królestwa Polskiego w dobie wzmózonych represji i ograniczeń narodowych, przypadających na lata po upadku powstania styczniowego. Materiał ten, choć wymaga wnikliwej analizy i szczególnej ostrożności przy wysuwaniu ogólnych wniosków, choć nie wolny jest od wielu uproszczeń i stereotypów, to jednak stanowi ciekawy wgląd w postawy, oceny i zachowania nie tylko Polaków, ale także samych Rosjan. W wielu przypadkach materiał ten trudno jest zastąpić innym, gdyż stan archiwaliów i dokumentacji źródłowej dotyczącej dziejów Królestwa Polskiego drugiej połowy XIX wieku przedstawia się szczególnie skromnie. Warto na koniec wspomnieć, że roczne raporty żandarmerii rosyjskiej, dotyczące stanu politycznego ziem polskich nie były obecne w literaturze przedmiotu, co tym bardziej podnosi ich walory poznawcze.

Prezentowany materiał źródłowy przechowywany jest w Państwowym Archiwum Rosyjskiej Federacji w Moskwie w zespole Siedleckiego Gubernialnego Zarządu Żandarmerii, fond 245, opis 1, dzieło 112. Jest to drukowana kopia raportu, wszyta do poszytu, jaki sporządził siedlecki gubernialny zarząd żandarmerii.

Начальник Варшавскаго Жандармскаго Округа.
Отделение II
30 Октября 1867 года.
№ 17134
г. Варшава.

Господину Главному Начальнику III-го Отделения Собственной
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии.

Обзор Царства Польскаго в
политическом отношении.

Копия
Секретно.

Ряд правительственных реформ¹, клонящихся к прочному умиротворению Царства Польскаго, как в минувшем так и в нынешнем году, по прежнему, не произвел благотворнаго влияния на настроение умов жителей этого края. Живя по привычке в далеком прошлом, заманчивом, хотя и туманном, считая настоящее только историческим уклоном от правильнаго течения Государственной жизни и ожидая в будущем исполнения своих несобыточных надежд, польская интеллигенция стоит в стороне от всякой здоровой деятельности на пользу своей родины и на улучшение ея экономическаго быта и бесплодно тратит свои силы и средства в открытой за границу и затаенной здесь борьбе против всего русскаго. Затем, кроме крестьян, ни одно из сословий Царства не примкнуло сознательно и откровенно к Русскому Правительству. По прежнему, без всякой критической оценки, сословия эти с сочувствием относятся ко всем внешним политическим делам, имеющим отношение ко всем внешним политическим делам, имеющим хотя бы только кажущееся отношение к их сепаративным стремлениям, и с недоверчивостию и худо-скрываеваемым ропотом смотрят на правительственныя распоряжения, клонящихся к упрочению в здешнем крае порядка и благосостояния.

Таким образом даже дарованная В ы с о ч а й ш и м приказом в 17\29 день Мая сего года амнистия² ни кем не была встречена с должною признательностию; амнистия эта, не оправдав неосновательных ожиданий польской народности, неспособной сознавать свои вины, истолковывалась не как В ы с о ч а й ш а я милость, а как долг справедливости, лежавший доселе на Русском Правительстве.

Если, оставив в стороне чисто-политический характер идей и стремлений, господствующих в здешнем крае, взглянуть на них с точки зрения общественной и экономической жизни царства, то и здесь трудно встретить что либо утешительное.

Обыкновенно, всякое, неблагоприятное для населения здешняго края, явление, само собою слагающееся из ненормальных условий общественного или экономического его быта, служит источником постоянного недовольства существующим порядком. В этом смысле, жители царства разсуждают даже о таких, постигших их в нынешнем году, бедствиях, как наводнение, неурожай, чрезмерное возвышение цены на жизненные продукты и т. п.

Причины столь неблагоприятнаго Правительству настроения умов, с одной стороны, кроются в исторически-сложившемся характере польскаго народа и не ослабевающим влиянии на него римско-католическаго духовенства, в с другой – вызваны настоящим исключительным положением здешняго края, требующим, после потрясении мятежа, упрочения порядка и благоустройства, котораго малый доньше успех искать надо и в наших собственных ошибках, проявившихся как в несоответственности некоторых реформ и преобразовании в крае в следствие того, что некоторые из главных деятелей, облеченных властью и доверием, увлекаясь целью возстановления порядка в крае в дух русской народности, мало разбирают средства, к которым прибегают, и, преследуя в тоже время слишком ожесточенно все польское, народное, сложившееся веками, хотя, так сказать, одним махом привести в исполнение все то, на что надо время и зрелую обдуманность. В противность сим деятелям являются другие, которые своею безпечностию и непростительною часто слабостию в деле, требующем благоразумной настойчивости и твердости, роняют свое значение и тем дают произвол лицам, которыя, действуя в видах собственнаго интереса и выгод, препятствуют возстановлению в крае того порядка, который бы мог вызвать в народ сочувствие и доверие к своему законному правительству.

Впрочем не каждое сословие царства одинаково относится к Правительству, и потому настроение умов жителей этого края видоизменяется согласно условиям, в которых поставлено то или другое сословие.

Римско-католическое духовенство и в политическом и в общественном отношении играет в Царстве Польском главную роль. Безсемейное, не связанное по этому никакими крепкими узами с народом, оно ведет его по скольскому пути фанатизма и суеверия, заботясь только о поддержании своего влияния и мало думая о том, к каким результатам приведет народ его политическая пропаганда; с другой стороны, имея своего главу в Риме, оно не имело и не может иметь никогда солидарности с руским, иноверческим правительством. Прекратить вполне это неблагоприятное Правительству влияние римско-католическаго духовенства на жителей Царства нет никаких средств, потому что ксендзы, имея в руках своих столь сильное орудие, как исповедь, умеют им искусно пользоваться для своих целей, и ни какая светская иласть не в состоянии их в этом деле контролировать. То же, что сделано в настоящее время Правительством к ослаблению влияния здешняго духовенства на народ, как то; сокращение числа монастырей³, уничтожение десятины⁴ и

т. п.⁵, может тогда только привести к ожидаемым от этих мероприятий результатам, когда они войдут в обыкновенный порядок вещей; в настоящее же время духовенство эти меры употребляет в свою пользу, придавая им в глазах народа характер гонения религии и притеснения ее охранителей.

Правда, поняв, что открытая борьба с Правительством не по их силам, ксендзы наружно покорились и оставили свой прежний, открытый образ возбуждения жителей против Правительства, но за то они чаще начали прибегать к скрытой под покровом религии пропаганде в исповеди и других религиозных обрядах. Особенно неотразимо влияние исповеди в римско-католической церкви на женщин. Здесь обыкновенно все, от богатейшей аристократки до беднейшей шляхтянки, под условиями полного отпущения грехов или под угрозами вечных мук, благословляются на изуверство и непримиримую вражду к схизме (православию) и ко всему русскому. Кроме сего, в видах противудействия русскому элементу в Царстве, ксендзы, с необыкновенною, прикрываясь своими духовными уставами, затрудняют слияние здешняго элемента с русским; для этого они отказываются совершать браки и не дают своего благословения полякам, бракосочетающимся с иноверцами; отказывают в исповеди женщинам, имеющим русских мужей, если же и допускают их к исповеди, то с тем, что-бы угрозами напугать воображение несчастных и вселить в них решимость загладить свой мнимый грех воспитанием своих детей в духе полонизма и католицизма. Вследствие сего, здесь, в Царстве Польском, особенно часто замечается тот грустный факт, что в тех русских семействах, где отец православный, а мать полька, дети, если несовращены в католицизм окончательно, то только по имени православные⁶, все же остальное у них, язык и обычаи, польское.

Вообще же римско-католическое духовенство, потеряв ныне значительную часть своих привилегий в материальном отношении, не перестает смотреть на Правительство, как на враждебную ему в Царстве силу. Хотя же среди его и появляются личности, стоящие по своим убеждениям выше корыстолобивых расчетов и волнующих прочих их собратий эгоистических целей, но такие личности, в I-х составляют редкия исключения, и во 2-х, при помощи интриг и происков своего духовнаго начальства, лишаются влиятельных мест и вообще подвергаются различным преследованиям и притеснениям, предупредить которыя светская власть не в состоянии по самому существу лежащих на духовенстве обязанностей.

Пользуясь невежеством своих паств, ксендзы в своих проповедях к народу проводят не объемлющая человечество идеи любви к Богу и ближнему, а узкий фанатизм, сулящий муки ада, и необходимость жертв в пользу местнаго костела и своего духовнаго отца. Вследствие сего проповеди эти действуют на слушателей не в духе примирения с окружающими людьми и обстоятельствами, а в духе нетерпимости и вражды ко всему тому, что находится за стенами костела.

Торжественность некоторых обрядов католической церкви в руках ксендзов служит также одним из немаловажных средств к поддержанию своего влияния на жителей. Всякий, обыкновенный в других исповеданиях, случай, как напр. объезд епископом своей Епархии⁷, в католическом мире облекается в форму разнообразных церемониалов, принимающих характер манифестаций и требующих зоркого наблюдения со стороны полиции.

Есть впрочем в обстановке римско-католического духовенства одна слабая сторона, сильно подрывающая его в глазах благомыслящих католиков: это безбрачие ксендзов, и в то же время семейная обстановка их жизни с неизбежно-состоящими при них, под видом родственниц или господинь (хозяек), женщинами.

Остановливаясь на сем, нельзя не придти к тому заключению, что здесь, в Царстве Польском, ощущается настоящая потребность в образованном православном духовенстве, которое бы примером своей жизни могло показать простому народу, как низко стоит нравственная сторона их пастырей, столь сильно влияющая на их же семейное и общественное положение.

о влияющая на их же семейное и общественное положение.

Упомянув о православном духовенстве, нельзя не выказать сожаления, что деятельность его здесь, для поддержания русской народности, слишком слаба и незаметна. Деятельности этой, заключающейся ныне в одном исправлении Богослужения и треб, недостает особаго характера миссионерства, требующаго энергических и образованных проповедников. Если с такими представителями католического духовенства, как например Августовский Епископ Граф Лубенский⁸, человек, имеющий в обществе огромное значение и связи, обладающий отличным светским и духовным образованием, сопоставить например священника Петроковской Православной церкви, который, читая воспитанникам гимназии закон Божий на польском языке, приносит в оправдание, что православные его ученики не понимают русской речи, то очевидно, на сколько слабо здесь влияние русского духовенства даже на свою паству.

Значение и направление деятельности греко-униатского духовенства выяснилось в греко-униатском деле. Здесь следует только заметить, что духовенство это, заявивши себя раз не на стороне законнаго правительства, нуждается в зорком и неослабном наблюдении. При этом условии и при строгом выборе священников, влияние его на народ может вполне уравновешиваться тихим и спокойным характером русинов, если только начатое ныне дело образование последних в духе их народности пойдет успешно.

Рука об руку с католическим духовенством, но независимо от него, является другое, влиятельное в царстве, сословие, сословие богатых помещиков. Враждебное по своим фамильным преданиям Русскому Правительству, сословие это ведет против него постоянную интригу при помощи эмиграции и заграничной прессы. Настоящая реформы, особенно освобождение крестьян⁹, послуживши помехой их планам, тем более

побуждают их исказить смысл правительственных распоряжений и подрывать авторитет русского правительства на западе Европы, где они проводят большую часть жизни. В то время, как мужчины этого сословия, путешествуя за границу, сея там ложь и клевету на все русское, создавая и разрушая различные политические теории, возвращаются в Царство проповедывать о составляемых будто союзах государств Европы для освобождения польши, женщины, заодно с ксендзами, и подчиняясь уже им, работают на поле религиозного фанатизма и нетерпимости. Таким образом представительницы фамилий графов Замоиских и Лубенских, своим влиянием на греко-униатских священников не мало тормозили успех умиротворения греко-униатов.

Что же касается помещиков, непосредственно занимающихся своим хозяйством, то настоящая обстановка, вследствие крестьянской реформы лишила их всякой возможности действовать во вред русскому Правительству. Это впрочем не значит, чтобы они были довольны существующим порядком. Напротив они более, чем кто либо, находят причины к ропоту на Правительство. Причины эти: медленность в производстве крестьянскими комиссиями дел¹⁰, вследствие чего помещики долго не получают ликвидационных вознаграждений¹¹; недостаток рабочих рук и слишком большой спрос со стороны крестьян заработной платы; зависимость от гминных войтов¹², происходящих из крестьян, и пристрастие гминных судов в решении дел помещиков с крестьянами и т. п. Не желая помириться с этими, действительно стеснительными, обстоятельствами, как временным переходом к нормальному порядку гражданского быта, помещики всю вину переживаемых ими невзгод возлагают на русское Правительство и затем считают себя вправе относиться к нему во всех случаях враждебно. Потеряв надежду, вследствие децентрализации административных пунктов Царства Польского, на получение прежних, обособляющих территорию польши, привилегий, помещики не перестают видеть в каждом новом дипломатическом вопросе, зараждающемся на Западе Европы, в каждом увеличении численности западноевропейских армий, предлог к войне за независимость польши. Связанные дома по рукам бдительным надзором русских властей, они выезжают за границу, — где столь много находят для себя заманчивого.

Наконец если есть между помещиками люди, отказавшиеся от всяких политических планов, то их нельзя считать за преданных своему Правительству граждан, так как только благоразумие и расчет заставляют их держать себя нейтральными в интригах своих собратий против Правительства, которое они хотя и не порицают открыто, но только всем и каждому, особенно русскому, выражают при всяком удобном случае свою жалобу на настоящее трудное положение дел и сожаление о лучшем, минувшем для них, времени.

Как помещики в общественной, так чиновники в служебной сфере, с новыми реформами, утратили свое влияние на ход дел и лишились возможности открыто действовать во вред Правительству. Существуя службою, они в настоящее время употребляют все усилия удержаться на своих местах. По этому, не говоря прежде по

русски и непонимая русского языка¹³, они вдруг заговорили довольно порядочно на этом языке. За то семейства польских чиновников тем с большим презрением относятся ко всему русскому: жены и дочери их, обычные посетительницы костелов, избегают всегда бывать в них во время высокаторжественных праздников; а чтобы не встречаться с семействами русских чиновников, оне стараются не бывать там, где сии последние находятся, как то на общественных гуляньях, балах и проч.

Высочайше дарованная 30-го Июля¹⁴ с. г. преимущества и льготы чиновникам русского происхождения произвели всеобщее уныние между чиновниками-поляками, видящими в этой Высочайшей милости намерение Правительства совсем закрыть им дорогу к должностям.

Несмотря впрочем усилия Правительства дать в служебной-гражданской сфере перевес русскому элементу над польским, последний еще достаточно силен для того, чтобы всегда поддерживать и распространять свое значение в ущерб русским интересам. Таким образом в настоящее время наприм. советники губернских правлений почти все поляки; вследствие сего, не смотря на то, что все влиятельныя в губернии должности Губернаторов, Вице-Губернаторов и уездных начальников заняты лицами русского происхождения, в губернской и уездной администрации происходят явления, дающия достаточно чувствовать влияние на дела польских чиновников.

Между различными ведомствами Царства Польскаго, в почтовом и судебном – чувствуется совершенное отсутствие русских чиновников; между тем по существу лежащих на этих двух ведомствах обязанностей влияние их на ход политических интриг в Царстве выснилось уже во всей силе в минувший мятеж, который доказал, что почтовые чиновники были в служебной сфере зрением и слухом революции, а судебные душою ея.

В этих видах крайне-желательнее скорейшее осуществление в Царстве судебной реформы, подготовленной Юридическою комиссиею¹⁵, так как, не представляя ни малейшаго ручательства в политической благонадежности, судебные чиновники очень мало дают его и в отношении безпристрастного решения дел, как тяжбных, так и уголовных.

Между чиновниками различных ведомств Царства Польскаго Бургомистры занимают исключительное и ненормальное положение; они существуют единственно взятками и добровольными приношениями, так как, при очень скудном содержании, им и не остается других средств к существованию с семейством.

Торговый класс в Царстве Польско, негоцианты и купцы польскаго происхождения, занятые своими коммерческими оборотами, пока безучастно относятся к действующей за границей и внутри революционной пропаганде, но зато ни чем не заявляют и своей преданности законному Правительству. Напротив они увеличивают число недовольных настоящим порядком, жалуясь на застой в торговле и делах, вызывающих в оборот капиталы. С другой стороны, капиталисты с каким-то недоверием смотрят вперед и,

опасаясь за прочность мира и существующаго в Царстве порядка, не предпринимают никаких серьёзных дел к развитию промышленности и торговли. Вследствие сего, правильная торговля и промышленность упадают, а развивается контро-бандный промысел и промен за границу золотой и серебряной монеты, вымениваемой с большим ущербом для казны на государственные кредитные билеты. Развитию контрбанды способствует с одной стороны, протяжение границы со стороны Пруссии сухим путем и лесами, а с другой – неудовлетворительный состав чинов пограничной стражи, между которыми замечается упадок дисциплины, безправственность и продажность. Контрбандным промыслом и вывозом за границу звонкой монеты преимущественно занимаются евреи.

Сословие это в Царстве Польском, захватывающее по немногу в свои руки торговлю и капиталы, в отношении Правительства, руководится не чувствами преданности и патриотизма, а как и всегда – корыстолюбивыми расчетами. Евреи, принявшие европейской костюм, кроме того стараются поддержать польский язык и польский образ жизни, разделя вместе с тем и польския революционные убеждения, и – как доказал минувший мятеж – они принимали самое деятельное в нем участие. Простой же класс евреев, оставаясь верным своим древним обычаям и костюмы, в настоящее время хотя и выражает благодарность Г о с у д а р ю И м п е р а т о р у за дарованныя им права и привиллеги¹⁶, при богослужениях в высокаторжественные дни в синагогах, но в то же время, из корыстных видов, содействуют к переносу из-за границы и распространению в Царстве революционных сочинений и преследуемой корреспонденции. Вообще же, евреи в Царстве Польском, пользуясь особенностью своего языка, непонятнаго ни русским ни полякам, обманывают и тех и других и смотря потому, что выгодные, или служат агентами польским революционерам или же составляют на последних доносы и изобличают их преступныя замыслы.

Шляхетское сословие в Царстве Польском составляет сильное орудие в руках римско-католическаго духовенства и революционных агитаторов. По образованию стоя почти на одной ступени с крестьянами, шляхта, гордясь своим дворянским происхождением, считает себя почему-то оплотом гражданской свободы польскаго народа; среди этого сословия обыкновенно зараждаются все нелепые слухи и толки, направленные против законнаго Правительства и русской народности.

Не имея чего терять и по этому предпочитая волнения и мятежи прочному порядку, шляхта в настоящее время с затаенною злобою смотрит на правительственныя реформы, называя их нарушением прав польскаго народа и стеснением гражданской его свободы. Вообще же сословие это, при первом зародыше революции, не преминет стсть первым на стороне движения.

По образу мыслей и политическому настроению умов от шляхты мало чем отличается ремесленный класс; – и здесь замечается та же безграничная преданность

ксендзам, слепой религиозный фанатизм, извращение смысла всех политических событий и правительственных распоряжений, вражда к схизме и всему русскому. Впрочем, имея определенные занятия, ремесленники ведут себя в политическом отношении спокойнее шляхты.

Наконец крестьяне, стоявшие всегда в стороне от сознательного революционного движения, составляют единственную силу в Царстве Польском, откровенно преданную своему Государю. При этом нельзя умолчать, что обстановка этого сословия крайне для него неблагоприятна. Ему недостает того, чем только и может поддерживаться в простолюдине его духовная жизнь — это воспитателей и руководителей в нравственном и религиозном отношении. Естественно, что обязанности эти везде лежат на духовенстве; между тем ксендзы, не имея возможности открыто проповедывать против законного Правительства, говорят крестьянам только о взносе десятины и грозят вечной мукой за неповиновение заповедям костела, умалчивая об обязанностях к Богу, ближним, Государю и отечеству. Таким образом только здравый смысл поддерживает в простолюдицах чувство любви и преданности к своему Монарху; служители же алтаря не освящают этого чувства своими проповедями, и если есть факты, доказывающие, что крестьяне не верят своим ксендзам, то есть факты совершенно противоположенные, обнаруживающие, что проповед религиозного фанатизма и нетерпимости принесла ожидаемые ксендзами плоды и между крестьянами. Обращаясь затем к народному образованию, нельзя не заметить, что единственное средство сберечь верноподданническое чувство крестьян от тлетворного влияния римско-католической пропаганды ксендзов, заключается в выборе соответствующих своему назначению учителей в народных школах¹⁷ и в непосредственном участии самого Правительства в управлении этим делом.

Одной инициативе гминных сходов нельзя доверять устройства школ; потому что настоящее их положение обнаруживает большею частью полное равнодушие к ним жителей. Помещения для школ в некоторых местах тесны, неудобны; учителя плохо знают сами русский язык и неполне безупречной нравственности; в других же местах крестьяне, ни кем неубежденные в пользе учения, не посылают детей своих в школы¹⁸, которые по сему остаются пустыми; за исключением этих недостатков, вредного направления в народных школах нигде не замечено. В остальных затем, собственно польских, учебных заведениях, взамен прежних революционных заявлений, господствует ныне относительно правительственных распоряжений сухой формализм и сдержанность. Русский язык хотя и входит в программу всех публичных экзаменов, но изучение его идет неудовлетворительно.

Вообще же замечается, что учащаяся молодежь старается скрывать свои настоящие стремления, которые по этому не могут быть в пользу законного Правительства. Что же касается до преподавания в семействах, то к такому допускаются

только лица, в поведении которых не замечено ничего предо-судительного в политической отношении. Правило это соблюдается без послабления.

Войска, квартирующая в Царстве Польском¹⁹, питают в себе тот же дух безграничной преданности Г о с у д а р ю и отечеству, какой им всегда был свойствен. Замечено вообще, что офицеры, прибывающие в Царство Польское из России, с навеянным на них сторонниками польского дела сочувствием к угнетенной польши, при ближайшем знакомстве на месте с ходом вещей и характером поляков, быстро сознавали свое заблуждение и впадали в другую крайность, в безотчетную ненависть ко всему польскому. Что же касается нравственной стороны военных чинрв, то стоянка в Царстве не может благо-приятствовать ей. Офицеры, не имея знакомств в семейных домах, привыкают к трактирной жизни и кутежам, вследствие чего те из них, которые в России служили украшением общества, здесь, в Царстве Польском, предаются разгулу и беспорядочной жизни. Почти тоже самое можно сказать и о нижних чинах; и на их нравственный характер вредно действует влияние чуждой, непри-ветливой для них, народности, порождая в них дурные страсти и лишая их обычный теплоты и достоинства в отношении к жителям, столь свойственных русскому солдату.

Наружный порядок, спокойствие и уважение к закону, в Царстве Польском видимо устанавливается; дальнейшее будет зависеть от благоразумной и сог-ласной деятельности властей в Царстве, которыя, если ненарушат принципа справедливости к народу, в деле, требующем обдуманной осторожности, и, заглушив в себе всякое чувство мести, будут иметь лишь целью благосостояние края, то и самое русское дело в видах Правительства, хоть поздно, но возмет верх над легкомысленною польскою мечтательностию и тою вредное их пропагандою, которая была и есть виновницею всего прошедшаго и далеко еще неутешительнаго на стоящаго.

П о д п и с а л :

Начальник Округа, Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Генерал-Маиор Барон Фредерикс²⁰

1. Reformy te zapoczątkowane zostały przez Komitet Urządzący, powołany 19.II/2.III.1864 r. Rezydujący przez siedem lat Komitet Urządzący (zlikwidowany został 1/13.IV.1871 r.) pod przewodnictwem namiestnika Fiodora hr. Berga, a w rzeczywistości kierowany przez Nikołaja Milutina i Władimira Czerkaskiego przygotował i przeprowadził w Królestwie Polskim najważniejsze reformy dotyczące ustroju wsi. Reformy w Królestwie oprócz Komitetu Urządzącego przygotowywał także utworzony 25.II/8.III.1864 w Petersburgu Komitet do Spraw Królestwa Polskiego (jego działalność ujawniono dopiero 1/13.XII.1866), będący wyższym organem doradczym przy osobie cesarza. Kolejnym organem biorącym udział w pracach nad reformami był Sekretariat Stanu Królestwa Polskiego, a po jego zlikwidowaniu 19/31.V.1866 r., powołana w jego miejsce Własna JCM Kancelaria do Spraw Królestwa Polskiego. Do ważniejszych zmian, jakie wprowadzono w 1867 r. w Królestwie Polskim zaliczyć należy: zaprowadzenie nowego podziału administracyjnego na 10 guberni i 85 powiatów (19/31.XII.1866), reorganizacja policji i utworzenie w Królestwie Straży Ziemskiej (19/31.XII.1866), podporządkowanie Wydziału Poczтового w Królestwie Ministerstwu Poczty i Telegrafów Cesarstwa (19/31.XII.1866), likwidacja Komisji Rządowej Oświecenia Publicznego i przywrócenie w jej miejsce Okręgu Naukowego Warszawskiego (15/27.V.1867), likwidacja Komisji Rządowej Przychodów i Skarbu (28.III/9.IV.1867), zniesienie Rady Stanu Królestwa Polskiego (10/22.III.1867), likwidacja diecezji podlaskiej (19/31.V.1867), utworzenie Zarządu wyznań obcych w Królestwie Polskim, zniesienie Rady Administracyjnej (3/15.VI.1867).
2. Amnestia z 17/29 maja 1867 r., jako „Rozkaz najwyższy o łaskach udzielonych dla Królestwa Polskiego” była drugim z kolei aktem łaski wydanym przez cara Aleksandra II po upadku powstania styczniowego. Pierwszy akt łaski wydany został 28.X/9.XI.1866 r. z okazji zaślubin następcy tronu Aleksandra Aleksandrowicza i dotyczył głównie skrócenia kar zesłańcom oraz umorzenia niektórych zaległości podatkowych i kar administracyjno-policyjnych. Amnestia z 17/29 maja 1867 r. umożliwiała natomiast uchylenie śledztw prowadzonych przez Komisje Śledcze wobec powstańców, o ile nie byli oni oskarżeni o zbrodnie (zabójstwa, podpalenia itp.). Umożliwiono także osobom pochodzącym z Królestwa, a zesłanym „z powodu nieporządków politycznych drogą administracyjną, do różnych miejsc Cesarstwa” powrót, z wyjątkiem osób stanu duchownego, powrót których pozostawiono „własnemu uznaniu Namiestnika”. Zezwolono również Polakom z guberni zachodnich, wydalonych z miejsc zamieszkania, na osiedlanie się w Królestwie. Amnestia zapowiadała także nie wszczynanie nowych spraw sądowych, jakie mogą wywiązać się „z zarzutów o należenie do powstania lub nieporządków politycznych, związek mających z ostatnim powstaniem” pod warunkiem, że nie będą dotyczyły spraw kryminalnych.
3. Na mocy ukazu z 27.X/8.XI. 1864 r. zostało zlikwidowanych w Królestwie Polskim większość klasztorów. Artykuł pierwszy ukazu głosił, że tam, gdzie jest mniej niż 8 zakonników lub zakonnice, tam klasztor podlega bezzwłocznej kasacji. Likwidacji uległy również te klasztory, z których zakonnicy zaangażowani byli w powstanie styczniowe. Pozostałe klasztory podzielono na etatowe, liczące po 14 zakonników (wyjątkowo zakon paulinów w Częstochowie liczył 24 zakonników) i nieetatowe, w perspektywie przewidziane do późniejszej kasacji. W poszczególnych diecezjach było klasztorów: w diecezji warszawskiej – 4 etatowe i 3 nieetatowe; w diecezji kaliskiej – 14 etatowych; w diecezji sandomierskiej – 5 etatowych; w diecezji kieleckiej – 6 etatowych; w diecezji lubelskiej – 1 etatowy i 3 nieetatowe; w diecezji płockiej – 2 etatowe i 5 nieetatowych; w diecezji sejneńskiej – 3 etatowe i 2 nieetatowe; w diecezji podlaskiej nie pozostawiono ani jednego klasztoru. W sumie z istniejących w Królestwie Polskim w 1864 r. 200 klasztorów (157 męskich i 43 żeńskich), liczących ogółem 1624 zakonników i 578 zakonnice, skasowano 152, pozostawiając jedynie 48, w tym etatowych 25 męskich z 360 zakonnikami i 10 żeńskich, ze 140 zakonicami.
4. Ukazem z dnia 14/26.XII. 1865 r. o urządzeniu rzymsko-katolickiego duchowieństwa świeckiego w Królestwie Polskim naznaczono duchowieństwu parafialnemu pensje (dla proboszcza do 65 roku życia wynosiła ona miesięcznie 25 rb., po 65 roku życia proboszcz otrzymywał dodatkowo 100 rubli rocznie; dla wikariusza 12,50 rb. miesięcznie) z zaznaczeniem zaprzestania ściągania od wiernych dziesięciny. W 1864 r. wartość pobieranej przez duchowieństwo dziesięciny oceniano na

- kwotę 573.857 rb. 69 kop. Analogiczny akt wydano dla duchowieństwa greko-unickiego (18/30.VI.1866), w którym naznaczając duchowieństwu pensje, zakazano równocześnie pobierania na rzecz Kościoła dziesięciny. Na mocy postanowienia z 28.I/9.II.1867 r. nakazano wykreślenie z wykazów ksiąg hipotecznych dziesięcin, uiszczanych na korzyść duchowieństwa zakonnego i świeckiego.
5. Chcąc ograniczyć opór duchowieństwa wobec przeprowadzanych reform, oraz sprzeciw Rzymu wobec wyraźnie antykatolickiego kursu w Królestwie Polskim, rząd rosyjski zdecydował się 22.XI/4.XII.1866 r. zerwać konkordat zawarty za Stolicą Apostolską 22.VII/3.VIII.1847 r. Zerwanie konkordatu pozwoliło m.in. na dokonanie 19/31.V.1867 r. bez konsultacji z władzami kościelnymi kasaty diecezji podlaskiej i włączenie jej do diecezji lubelskiej.
 6. W związkach małżeńskich osób wyznania prawosławnego z osobami wyznania katolickiego obowiązywał przymus wychowywania dzieci w wierze prawosławnej.
 7. Wizytacje diecezji przez biskupów były ograniczane poprzez wymóg uzyskiwania zezwolenia od władz cywilnych (gubernatora).
 8. Konstanty Ireneusz Łubieński (1825–1869) – po ukończeniu w l. 1839–43 kolegium jezuitów we Fryburgu szwajcarskim, wstąpił w 1846 r. do seminarium duchownego w Kielcach, gdzie zaprzyjaźnił się z ks. Wincentym Popielem. W roku 1850 towarzyszył ojcu skazanemu na 3 lata wygnania do Kurska. W 1854 r. przeniósł się na stałe do Petersburga, jako wikariusz przy kościele Św. Katarzyny. Łubieński mający duży urok osobisty rozwinął tam żywą propagandę religijną także wśród prawosławnych. Znaczny wpływ wywierał na arystokrację rosyjską wśród której miał krewniaków. Pod względem politycznym był ugodowcem i konserwatystą. Za przeciwstawianie się zarządzeniom arcybpa mohylowskiego W. Żylińskiego (o zakazie spowiadania ludzi nieznanymi) został zesłany w 1859 r. do Charkowa. Obejmując w 1860 r. probostwo w Rewlu poznał się bliżej z T. Bergiem (późniejszym namiestnikiem Kr. Pol.) – był spowiednikiem jego żony i córki. Jako przeciwnik powstania styczniowego został wysunięty na biskupa sejneńskiego. Rząd Narodowy odniósł się do tej nominacji bardzo niechętnie. Wezwany przez M. Murawjowa do Wilna, Łubieński 14.I.1864 r. wystosował do cara osobisty adres „lojalności i wierności” surowo potępiony przez władze narodowe.
 9. Mowa o carskim ukazie uwłaszczeniowym z 19.II/2.III.1864 roku.
 10. Komisje do spraw włościańskich powołano na mocy ukazu z 19.II/2.III 1864 r., jako organ podległy i wykonawczy Komitetu Urządzącego. W każdej guberni powołano od 1 do 4 komisji do spraw włościańskich. Każda komisja złożona była z przewodniczącego, jego „towarzysza” (pomocnika) i od 4 do 8 komisarzy. Miały one przestrzegać i kontrolować przebieg i realizację reformy uwłaszczeniowej oraz być arbitrem w sporach między gromadami wiejskimi a dziedzicami. W instrukcjach przekazywanych komisarzom zalecano przy sporach włościan z dziedzicami bronić przede wszystkim interesów gromad wiejskich. Istniejąca przy Komitecie Urządzącym Centralna Komisja do Spraw Włościańskich, rozpatrująca skargi i zażalenia w sprawie sporządzania tabel likwidacyjnych i odszkodowań dla ziemian, została zniesiona 18.XI/1.XII.1870 r. W zamian komisji do spraw włościańskich powołano wówczas gubernialne urzędy do spraw włościańskich (10), zaś do każdego powiatu przydzielono po jednym komisarzu do spraw włościańskich (85).
 11. Po uwłaszczeniu chłopów rozpoczęła się mozolna i skomplikowana w swojej procedurze operacja finansowa, związana z wypłaceniem dziedzicom wynagrodzenia likwidacyjnego, jako wynagrodzenie za zniesione powinności włościan. Sposoby oszacowania powinności oraz obliczenia wynagrodzenia likwidacyjnego były powodem ogólnego niezadowolenia ziemian. Spłacanie sum likwidacyjnych dokonano za pomocą listów likwidacyjnych, przynoszących 4% rocznego dochodu.
 12. Pierwsze po ukazie uwłaszczeniowym wybory na urzędy wójtowskie (na 3-letnią kadencję), przeprowadzono w 1864 r. Przyniosły one wyraźną porażkę ziemianom. Wójtów pochodzenia szlacheckiego wybrano wówczas tylko 5%, chłopskiego 88%, a mieszczańskiego 7%. W następnych wyborach odsetek wójtów pochodzenia szlacheckiego i mieszczańskiego zwiększał się stopniowo kosztem chłopów. Statystyka z 1870 r. wskazuje, że na ogólną liczbę 1340 gmin, w 1047 gminach (78%) wójtami byli chłopcy, w 177 gminach (13%) wójtami obrani zostali dziedzice i drobna szlachta, a w 116 gminach (9%) na stanowisko wójta wybrano mieszczan i dymisjonowanych żołnierzy. Jeszcze większą przewagę zdobyli włościanie w wyborach na urzędy ławników. W 1871 r. ławników

pochodzenia chłopskiego było 2837 (87,3% ogółu), pochodzenia szlacheckiego 178 (tj. 5,6%), a mieszczańskiego 223 (7,1%). Trzy lata później proporcje te uległy niewielkim zmianom i 1.I.1874 r. przedstawiały się następująco: ławników pochodzenia chłopskiego było 83%, szlacheckiego 6,5%, mieszczańskiego i innych 10,5%.

13. Na mocy przepisów uzupełniających prawa z 29.II/12.III.1868 r. o zarządach gubernialnych i powiatowych w Królestwie Polskim językiem urzędowym stał się jedynie język rosyjski. Rok później przepisami z 26.III/7.IV.1869 r. o izbach skarbowych, język rosyjski stał się obowiązkowym w wydziałach finansowych. Urzędnikom polskim pozostającym na państwowych posadach pozostawiono dwa lata na opanowanie i nauczenie się języka rosyjskiego.
14. Na mocy przepisów z 30.VII/11.VIII.1867 r. określono szereg przywilejów i ulg dla urzędników pochodzenia rosyjskiego, którzy wstąpili od dnia 1.I.1864 r. na służbę w guberniach Królestwa Polskiego. Gwarantowano w nich m.in.: gratyfikacje za przyjazd do Królestwa, w zależności od rangi urzędniczej od 300 do 1000 rb., dodatki do pensji po pięciu latach pracy w wysokości 15 %, a dla nauczycieli w wysokości 25 %, skrócenie wysługi lat z prawami do przejścia na emeryturę do lat 25, a dla nauczycieli do 20, kształcenie na koszt państwa dzieci urzędniczych, będących w wieku 9–13 lat itp. Przywileje te systematycznie rozszerzano na kolejne grupy zawodowe (nauczycieli, inżynierów itp.). Postanowienia zachęcające Rosjan do obejmowania posad w Królestwie Polskim miały przyspieszyć proces rusyfikacji wszystkich szczebli administracji państwowej oraz ograniczyć udział Polaków wśród kadry urzędniczej. Przywileje określone przepisami z 30.VII/11.VIII.1867 r. w znacznym stopniu ograniczono dopiero 13/25.VI.1886 r. Zob. AGAD, Sekretariat Stanu Królestwa Polskiego, 909/1867, k. 126, 135–137.
15. Przygotowanie projektów reformy sądowej powierzono powołanej w tym celu w Warszawie Komisji Prawniczej, podporządkowanej Komitetowi Urządzącemu w Królestwie Polskim. W skład Komisji weszli wyłącznie prawnicy rosyjscy. Po likwidacji w 23.II/7.III.1871r. Komitetu Urządającego w Królestwie Polskim, a wraz z nim Komisji Prawniczej, funkcje komisji przejął II (ustawodawczy) Oddział Własnej JCM Kancelarii. Ostatecznie ukaz o reformie sądowniczej w Królestwie Polskim wydano 6/19.III.1875 r., zaś reforma miała obowiązywać od dnia 1/13.VII.1876 r. Zob. A. Korobowicz, Sądownictwo Królestwa Polskiego 1876–1915. Lublin 1995, s. 8–11.
16. Ukaz emancypacyjny w Królestwie Polskim z 5.VI.1862 r. był dziełem Aleksandra hr. Wielopolskiego. W ramach znoszenia ograniczeń względem ludności żydowskiej w Rosji uchylono służbę wojskową kantonistów, niektórym Żydom pozwolono zamieszkiwać poza tzw. strefą i dopuszczono ich do służby państwowej. W Królestwie Polskim zezwolono na mocy ukazu z 1/13.II.1866 r. wstępować do służby cywilnej i towarzystw obywatelskich Żydom posiadającym dyplomy ze stopniami naukowymi wyższych uczelni. Na mocy rozporządzenia z 6/18.II.1870 r. dopuszczono Żydów pod pewnymi warunkami do wyborów do gmin wiejskich (chodziło głównie o urzędy gminne w miasteczkach przemianowanych po reformie miejskiej z 1869 r. na osady).
17. Szkoły ludowe miały być obok samorządu wiejskiego i urzędów komisarzy do spraw włościańskich ważnym czynnikiem pozyskiwania i zjednywania sobie przez władze carskie chłopów.
18. Przy braku obowiązku powszechnego nauczania oraz obciążeniu gmin w utrzymaniu placówek oświatowych frekwencja w szkołach ludowych była szczególnie niska.
19. Po upadku powstania styczniowego, w warunkach obowiązującego stanu wojennego w Królestwie Polskim stacjonowały poza garnizonami i twierdzami rozrzucone po całym terytorium oddziały wojsk rosyjskich.
20. Platon Aleksandrowicz baron Frederiks (Fredericksz) (1828–1888), w latach 1864–1866 oberpolicmajster warszawski i generał-policmajster Królestwa Polskiego, od 1867 Naczelnik Warszawskiego Okręgu Żandarmerii, którym pozostawał do roku 1873. W latach 1873–1879 dowódca wojsk Syberii Wschodniej i generał-gubernator tegoż kraju.